

Для цитирования: Бараш, Р. Э.
Историческая память как ценностное
основание гражданской идентичности
российского общества 2020-х гг. /
Р. Э. Бараш // Социум и власть. — 2024. —
№ 4 (102). — С. 116–132. —
DOI 10.22394/1996-0522-2024-4-116-132. —
EDN EYLXLW.

УДК 316.454.7

EDN EYLXLW

DOI 10.22394/1996-0522-2024-4-116-132

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК ЦЕННОСТНОЕ ОСНОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА 2020-х гг.

Бараш Раиса Эдуардовна,
Институт социологии Федерального науч-
но-исследовательского социологического
центра РАН,
кандидат политических наук, ведущий
научный сотрудник.
Москва, Россия.
ORCID: 0000-0002-5899-973X
E-mail: raisabarash@gmail.com

Аннотация

Обращаясь к изучению специфики истори-
ческой памяти российского общества как
основанию гражданской идентичности, ав-
тор ставит перед собою цель исследовать
роль национального хронотопа, образов
национального прошлого как базовой со-
циальной ценности общества, инструмента
социального сплочения. Обращаясь к
методам количественных социологических
исследований, автор исследует функции
исторической памяти, выступающей базо-
вой межпоколенной ценностью социума,
как механизма формирования коллектив-
ной идентичности современного россий-
ского общества. Научная новизна работы

обусловлена новаторским вниманием
автора к роли исторической памяти как
базовой ценности российского общества в
актуальных условиях внешнеполитической
изоляции, когда национальное прошлое
влияет на выбор вектора общественного
развития, воспринимается как ресурс, по-
зволяющий обществу «извлечь уроки» из
прошлого, построить будущее на основа-
нии национальных ценностей.

Основным результатом исследования
является наблюдение, что актуальная
ценностная суверенизация российского
общества на основании исторической
памяти способствует поиску оптимального
формата межкультурного взаимодействия
в многосоставном социуме.

На основании проведенных исследо-
вательских мероприятий автор делает
вывод, что в современном российском
обществе историческая память высту-
пает базовой национальной ценностью,
моральным ориентиром, играет ключе-
вую роль в формировании национальной
идентичности, приобретая особенную
важность сегодня в драматичных для об-
щества и страны условиях.

Ключевые слова:

историческая память,
традиция,
идентичность,
семейная память

Поступила: 10.09.2024

Принята: 29.11.2024

Дата печати: 30.12.2024

Права: © Бараш Р. Э. (2024).

Опубликовано Челябинским
филиалом РАНХиГС. Открытый доступ
на условиях лицензии CC BY-NC 4.0

Введение

Национальная память, объединяя в исторический нарратив представления о важных событиях и периодах истории страны, национальных достижениях, победах или трагедиях, соединяя вместе образы героев и врагов, формирует гражданскую идентичность и таким образом способствует артикуляции национальных ценностей. В рамках настоящей статьи гражданская идентичность понимается как осознанная связь индивидов с Родиной, страной их гражданства, формализованная через чувство сопричастности символам национальной культуры и историческому наследию. Объектом исследования в настоящей статье является историческая память современного российского общества, его граждан. Предметом — образы национального прошлого, которые выступают основанием гражданской идентичности россиян.

Память о событиях, связанных с борьбой за независимость или памятью о выдающимися достижениях нации в науке, культуре или спорте, служат основой для национального единства и гордости, придавая значение, смысл и цели как коллективной, так и индивидуальной жизни [12, с. 115]. В настоящей статье понятие «исторической памяти» используется для обозначения общественного консенсуса по поводу значимости для национального прошлого конкретных событий истории, способствовавших формированию социокультурного своеобразия государства.

Хронологические рамки, «протяжённость» исторической памяти формально не ограничена, и любые исторические события могут быть объектами, вехами исторической памяти. Но поскольку историческая память «кристаллизуется» на пересечении ресурсов истории, поддерживаемой официальными государственными институтами коммеморации, и памяти очевидцев и их условных «наследников», эмоционально переживающих относительно хронологически близкие события, диапазон объектов исторической памяти, резонирующих с

социокультурными установками общества и с гражданской идентичностью нации, ограничен. В перечень релевантных гражданской идентичности исторических событий, таким образом, входят эпизоды, наиболее актуальные для жизни современников, а также 2—3 предшествующих поколений.

Драматичные, запоминающиеся события, такие как войны, революции, значимые национальные достижения в искусстве и науке, выступают фактическим основанием исторической памяти. Эти события не только официально фиксируются в национальной хронике и школьных учебниках, но и эмоционально переживаются не только современниками, но и последующими поколениями граждан как наследниками памяти их героев.

Оказываясь основанием национальной идентичности, общественные ценности тиражируются исторической памятью, формируя образ будущего. Историческая память объединяет разнообразные элементы социума, гарантирует их участие в передаче культурной традиции последующим поколениям [7]. «Наследуя» эмоционально окрашенные восприятия далёких событий молодые поколения «встраиваются» не только в общий дискурс исторической памяти, но и в ценностную парадигму общества [17]. Это делает их чувствительным к трактовкам национальной истории [19].

Но поскольку межпоколенческая ретрансляция исторической памяти — процесс динамичный, интерпретация ключевых исторических событий может меняться. Каждое новое поколение воспринимает историю сквозь призму своего опыта и актуальных социокультурных контекстов. Например, взгляды на исторические конфликты, такие как войны, могут меняться от поколения к поколению, что порождает новые дискуссии о справедливости таких событий, их последствиях и значении для будущего.

Таким образом хронологические рамки исторической памяти хоть формально и не ограничены, их актуаль-

ность и значимость в общественном мнении зависят от взаимодействия поколений и изменения социокультурных установок. Это взаимодействие создает динамическое поле, в котором историческая память может как объединять, так и раскалывать нацию.

Ценности общества в сочетании с символами национального прошлого, выступают одним из ключевых ресурсов социального сплочения, регулярно воспроизводясь через опредмечивание и противопоставление внешней среде [2; 4; 13]: историческая память формирует когнитивную структуру, ценностную рамку, позволяющую эмоционально оценивать происходящие явления и процессы. Под влиянием кризисных явлений, в ситуации неопределённости, когда возникает запрос на артикуляцию ценностей общества, усиливается интерес к историческому прошлому, возникает запрос на историческую достоверность.

К теоретико-методологическим основаниям проблемы

Тематика исторической памяти как составляющая социальной коммуникации длительное время находится в фокусе социологических наблюдений. Своей работой «О разделении общественного труда» Э. Дюркгейм сформировал представление о коллективной памяти как производном коллективного сознания и факторе социальной коммуникации, влияющей на общественную консолидацию. Схожую идею соотношения индивидами своих поступков с общественными ценностями обосновывал своей теорией социального действия М. Вебер, в частности, предполагая, что массовые нормативные установки влияют на формирование исторической памяти.

Идеи Э. Дюркгейма о влиянии коллективной памяти на общественную коммуникацию развил М. Хальбвакс, предложив в работе «Индивидуальное сознание и коллективный разум» различать индивидуальную и коллективную историческую память и выдвинув

гипотезу об обусловленности общественных представлений о прошлом социальными рамками: общественными конвенциями о важности и, напротив, незначимости для национальной истории тех или иных событий или фигур прошлого.

Разделяя гипотезу М. Хальбвакса о социально санкционированных образах прошлого, Я. Ассман отличал от изустной коммуникативной памяти очевидцев память культурную, общественную, утверждающую седиментацию в массовом сознании исторического знания, согласующегося с доминирующими ценностями. В свою очередь П. Нора в работе «Франция-память» обращает внимание на материальность передачи коллективных представлений о прошлом посредством «мест памяти», символически значимых «объектах ритуала», сочетающих свойства материальной, символической и функциональной коммемораций. Относя к «местам памяти» предельно широкий спектр ресурсов коллективной коммеморации, П. Нора обращал внимание на то, что государственная ретрансляция и интерпретация исторических событий ценностно «нагружена» и подчинена задаче поддержания социального единства.

По мнению А. Ассман, историческая память не просто конвенциональна, но представления о прошлом формируются политическими акторами на основании актуализированных в общественном мнении представлений. Политический презентизм, обращение публичных политиков к историческому дискурсу для обоснования принятия решений, является характерной чертой современного политического языка по всем миру. Таким образом современные концепции исторической памяти актуализируют гипотезу о взаимовлиянии национальной памяти и корпуса национальных ценностей.

Из общественных представлений о прошлом, конвенций о ключевых событиях национальной истории политическими акторами формируется ценностная матрица социума,

представления о значимых национальных достижениях и драматичных событиях прошлого [5, с. 27; 8; 20]. Эмоционально окрашенное восприятие истории, конвенции о трактовке национального хронотопа формирует культурную рамку общественной коммуникации, удостоверяют конвенции о трактовке прошлого [1; 3].

Под влиянием исторической памяти нации, представлений граждан о знаковых исторических событиях и их последствиях для настоящего, сопричастности образам прошлого складывается эмоционально окрашенный образ страны [8; 9]. Положительное отношение к стране укрепляет солидарность граждан, усиливает поддержку ими решений политического руководства и проводимой государственной политики. Тёплые эмоции в отношении своей страны способствуют тесному взаимодействию граждан, их регулярной коммуникации и сотрудничеству, низовой самоорганизации, поддержке национальных нарративов. Негативные же эмоции граждан, недовольство актуальным положением дел не только отражает разочарование актуальными общественными тенденциями или стратегией государственного развития, но выступают мотивом их намерения активно участвовать в преобразованиях. Складываясь из совокупности факторов, эмоциональное восприятие страны динамично и изменчиво. Но зафиксированные «в моменте» доминанты общественного мнения и эмоции в отношении своей страны достоверно передают переживания гражданами актуальной социально-политической ситуации, положения государства в мире, а также ощущение собственного положения и благополучия. Другой вопрос, что в кризисные периоды общественное мнение может быть обострённо чувствительным, тяжело переживая разочарование происходящим или, напротив, старается поддерживать «присутствие духа».

Эмоциональное восприятие массовым сознанием образов национального настоящего и прошлого

По данным ИС ФНИСЦ РАН, сегодня в российском общественном мнении доминируют положительные эмоции в отношении своей страны: большинство испытывают к современной России уважение (61 %), гордость (51 %) и любовь (45 %)¹. Положительные чувства абсолютно преобладают как над негативными — обидой, стыдом (12 %) и возмущением (10 %), — так и над равнодушием (7 %). Положительные эмоции к стране равномерно распространены среди всех возрастных групп граждан: с уважением к своей стране относится большинство и самых молодых россиян 18–30 лет (58 %), и самых пожилых, старше 61 года (61 %) (табл. 1).

А вот в чувстве гордости к своей стране чаще других (58 %) признаются россияне предпенсионного возраста (51–60 лет). Россияне этой возрастной группы вообще более чувствительны, они эмоциональнее других воспринимают социальную действительность, чаще признаваясь, что испытывают возмущение (12 %), а также обиду и стыд (15 %) в отношении современной России. Об эмоциях стыда за страну также часто говорят самые пожилые респонденты (17 %). Россияне средних возрастов (31–40 лет) чаще других испытывают уважение к стране (63 %). Равнодушие — примета самых молодых россиян, младше 30 лет, хотя и среди них, как и среди россиян других возрастов, безразличных к Родине немного (11 %).

¹ Здесь и далее для 2024 г. приводятся социологические данные проекта «Российское общество середины 2020-х гг.: символы прошлого, ценности настоящего, ожидания от будущего», выполняемого в рамках реализации Программы научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности, 2023–2025 гг. Социологическое исследование проведено в феврале 2024 г. по общероссийской выборке (N = 2000), репрезентировавшей население страны по региону проживания, а внутри него — по полу, возрасту, уровню образования и типу поселения.

Равнодушие и негативные эмоции к своей стране — удел, прежде всего, плохо обеспеченных граждан: они чаще других признаются в безразличии (12 %), возмущении (14 %), обиде и стыде в отношении своей страны (20 %). А вот положительные эмоции: уважения (67 %), гордости (58 %) и любви (49 %) преобладают среди самых обеспеченных. Выше других доля положительных эмоций в отношении своей страны и среди наиболее образованных граждан, с учёной степенью, несколькими высшими образованиями: 65 % и них гордятся страной, 62 % уважают и любят.

Положительные чувства граждан к своей стране — производное от их интереса к отечественной истории: россияне, которые оценивают свои знания по истории России как хорошие, чаще

других гордятся нынешней Россией (58 %), а те, кто обладает общими сведениями, чаще говорят об уважении (64 %) и любви (49 %) к своей стране. Граждане, историю знающие плохо, чаще малоэмоциональны в отношении отечества (12 %) (табл. 2).

Но сегодня лишь небольшая часть граждан (17 %) мало осведомлены о национальной истории, большинство же имеют базовые знания о ключевых исторических событиях (77 %). Однако эти знания зачастую носят общий характер (52 %), и только четверть респондентов (25 %) глубоко разбираются в отечественной истории. И с 2020 года доля россиян, оценивающих свои знания по истории России как хорошие, увеличилась на 14 процентных пунктов (с 11 % до 25 %), а количество плохо осведомленных уменьшилось с

Таблица 1

Эмоциональные доминанты в отношении своей страны россиян различных возрастов и самооценки материального положения, 2024, % *

	Все опрошенные	18—30 лет	31—40 лет	41—50 лет	51—60 лет	Старше 61 года	Плохо материально обеспечены	Удовлетворительно обеспечены	Хорошо материально обеспечены
Уважение	61	58	63	59	60	61	51	61	67
Гордость	51	50	51	48	58	52	40	53	58
Любовь	45	45	44	45	43	46	37	46	49
Обида, стыд	12	9	8	12	15	17	20	12	6
Возмущение	10	10	10	10	12	7	14	10	5
Равнодушие	7	11	7	6	5	4	12	6	3

* Серой заливкой здесь и далее, если не указано иное, выделены наибольшие показатели для каждой строки

Таблица 2

Эмоциональные доминанты в отношении своей страны россиян с различным уровнем исторической компетенции, 2024, %

Испытывают к современной России:	Все опрошенные	Хорошо знают историю страны	Имеют общие представления об исторических событиях	Историю страны знают плохо
Уважение	61	62	64	48
Гордость	51	58	51	43
Любовь	45	46	49	36
Обида, стыд	12	12	12	14
Возмущение	10	11	8	12
Равнодушие	7	5	5	12

30 % до 17 %. Другой вопрос, что это — не объективный «срез» исторических компетенций респондентов, но лишь их ощущение собственной погружённости в историческую повестку, сложившееся под влиянием политизации прошлого представителями власти, когда не только идеологические концепты, но и государственные решения аргументируются историческими доводами, «интересами, которые диктуются... историческим опытом»¹.

Представленные в российском публичном дискурсе образы прошлого эмоционально насыщены, их трактовки однозначны, а сами они составляют основу национальной исторической памяти. Чему немало способствует школьное историческое образование, тиражирующее образы прошлого и укрепляющее солидарность граждан с их государственной трактовкой. В 2023 г. был представлен государственный учебник по всемирной истории и истории России для 10–11 классов, о необходимости которого на протяжении десяти лет говорил Президент РФ В. В. Путин. И сегодня большинство россиян (61 %) полностью или в значительной степени одобряют идею создания единого учебника по российской истории, причем четверть (25 %) определено поддерживает единый подход к интерпретации национального прошлого, а 35 % выражают более осторожное согласие.

Однако одобрение идеи единства в интерпретации истории не является безусловным: 19 % опрошенных в той или иной мере выступают против ограничений на разнообразие взглядов на прошлое, включая 7 %, которые выступают с категорическим отрицанием этой идеи, и 12 %, которые склоняются к несогласию с уменьшением диапазона интерпретаций исторических событий. Кроме того, около 22 % респондентов не имеют ясной позиции относительно унификации школьного исторического

образования или предпочитают не высказывать своего мнения.

В авангарде сторонников единого учебника — наиболее образованные россияне: его введение поддерживают 82 % опрошенных с учёной степенью или двумя высшими образованиям, в т. ч. 44 % поддерживают полностью и ещё 38 % скорее поддерживают. Критически настроены в этой группе 15 % опрошенных и лишь 2 % признались в безразличии к школьному историческому образованию. А вот среди россиян со средним, в том числе неоконченным средним образованием, каждый третий не имеет позиции по вопросу школьных пособий по истории.

Россияне очень чувствительны к вопросу единого учебника, что связано с их интересом к национальной истории. Среди тех, кто уверен в своём знании отечественной истории, большинство активно поддерживают идею введения единого учебника в школьную программу (69 %). А респонденты, оценивающие свои знания как недостаточные, в почти половине ответов (46 %) не проявляет интереса к школьным учебным материалам.

Большинство же россиян, обладая общими представлениями об отечественной истории, идею единого учебника поддерживает (62 %), однако каждый пятый безразличен к вопросу содержания школьного образования (18 %) (табл. 3).

Россияне придают большое значение историческому образованию в школе и лишь 2 % опрошенных не видят необходимости в изучении отечественной истории в учебных заведениях, и ещё 6 % затрудняются сказать, какие цели и задачи стоят перед историческим образованием.

По мнению россиян, у исторического школьного образования в России две ключевые функции: гражданского просвещения и общего образования, 49 % респондентов согласны с этим. Немного меньше тех (43 %), кто полагает, что изучение истории в школе является вопросом установленной практики и традиции российского образования.

¹ Открытый урок «Помнить — значит знать» // Kremlin.ru. 2020. 1 сент. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/63983> (дата обращения: 10.09.2024).

Таблица 3

**Отношение к принятию единого учебника истории среди россиян
различного уровня исторической компетентности, 2024, %**

	Все опрошенные	Имеют хорошее историческое знание	Имеют общее представление об исторических событиях	Имеют плохие исторические знания
Полностью поддерживают принятие единого учебника истории	25	33	25	13
Скорее поддерживают	35	36	37	26
Скорее не поддерживают	12	13	13	9
Категорически против принятия единого учебника истории	7	9	6	5
Всё равно	22	9	18	46

Около 42 % опрошенных считают, что историческое образование также выполняет патриотическую функцию. Наименьшей является доля тех, кто считает, что изучение отечественной истории помогает лучше понять текущее состояние страны и мира (33 %).

Чувствительность россиян к сюжетам прошлого связана с тем, что образы прошлого играют в системе культурных ценностей россиян крайне важную роль, а пересмотр концепции национальной истории касается не столько сюжетов национального прошлого как таковых или их интерпретации, но целого комплекса общественных ценностей. Переплетение образов национальной и семейной истории, особенно в сюжетах памяти о Великой отечественной войне, ставшей «мифом происхождения» постсоветской России, помещает задачу защиты исторической памяти в поле ответственности каждого гражданина.

Отсюда — готовность многих граждан противостоять попыткам пересмотра истории, особенно, когда речь идет о Великой Отечественной войне. В 2023 г. более половины респондентов (57 %) были уверены, что от трактовки исторических событий зависит будущее страны, поэтому «борьба за прошлое» имеет большое политическое и международное значение¹. Про-

¹ Социологические данные проекта «Влияние нематериальных факторов на консолидацию российского общества в условиях новых социокультурных вызовов и угроз» (проект № 20-18-00505 РНФ

вокационность, резонансность темы национального прошлого связана с его ролью консолидирующего «исторического ядра» идентичности как базовой ценности общества, а манипуляции с памятью выглядят не только попыткой делегитимировать государство через обращение к фактам «неудобного прошлого», но и как несущие угрозу ценностным основаниям общественного устройства.

Коллективная память не просто локализуется в «социальных рамках памяти», память связывает семейные воспоминания с национальной историей, наделяет прошлое понятными смыслами, делает понятным и освящаемым смысл общественно разделяемых ценностей. Когда личные и семейные воспоминания связаны со знаковыми событиями национальной истории, прошлое становится осязаемым, а общественные ценности воспринимаются органичным результатом прошлого страны. Сегодня связь национальной истории, национальных ценностей и образов прошлого в российском массовом сознании укрепляется ключевой ролью семейной памяти как источни-

по приоритетному направлению деятельности Российского научного фонда «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований отдельными научными группами»). Социологическое исследование проведено в апреле–мае 2023 г. по общероссийской выборке (N = 2000), репрезентировавшей население страны по региону проживания, а внутри него — по полу, возрасту, уровню образования и типу поселения.

ка информации об истории страны. В 2024 г. 38 % опрошенных называли семейную память в числе основных источников информации об истории нашей страны. Популярнее только школьные и вузовские учебники по истории (51 %), исторические художественные (48 %) и документальные (47 %) фильмы. А вот серьёзные источники: научная литература (19 %), мемуары исторических деятелей (14 %) и специализированные программы и ток-шоу на телевидении (15 %) востребованы россиянами значительно меньше популярных ресурсов и рассказов родных. Проигрывают академические источники и «популярной» окологисторической литературе: историческим романам и художественной литературе (26 %), а также разнообразным интернет-ресурсам (сайтам, форумам, онлайн-лекциям) (25 %). Благодаря современным средствам коммуникации личные, семейные свидетельства стали превращаться в национальную историю, стали основанием традиционных ценностей общества, поддерживая тяготение граждан к устойчивым историческим трактовкам.

В желании противостоять изменениям смысловых и ценностных оснований национальной памяти многие россияне (48 %) выступают за единообразие в понимании основных исторических событий. Тех, кто считает, что оценки некоторых исторических событий и политических деятелей могут меняться со временем, заметно меньше — 39 %. Очевидно, что за желанием «закрепить» исторические интерпретации стоит стремление не только обеспечить преемственность государственной традиции, но и сохранить привычное восприятие семейной истории и ощущение достоверности собственных «по-ст-памятных» представлений о прошлом [10, с. 75].

Ощущение непрерывности национальной истории, связи прошлого страны с её настоящим наделяет россиян детерминистским взглядом: вызовы, с которыми сталкивается страна, и которые требуют активной реакции и сплочения общества рассматриваются

не только как уроки истории для нации, но и как проверка на прочность общественных ценностей, объединяющих общество. И в своих выводах, несмотря на все сложности отечественной истории, россияне далеки от катастрофизма: только 4 % респондентов не видят у страны позитивных перспектив, а большинство с оптимизмом оценивают перспективы Отечества.

На протяжении 24 лет наблюдений, начиная с 2000 года, в общественном мнении россиян укрепились предпочтения в пользу национальной самодостаточности и независимого пути развития страны: доля тех, кто поддерживает идею «жить своим умом» за последний год выросла на 12 процентных пунктов (с 40 % до 52 %). Усилились и антизападные настроения, а доля граждан, считающих Запад вечным врагом России, за четверть века увеличилась почти в три раза, с 13 % до 32 %. Особенно — в последний год (с 18 % до 32 %). Если в 2023 году многие россияне еще надеялись на восстановление отношений с Западом и возвращение к прежней жизни, то спустя два года внешнеполитической автаркии для многих стало очевидным, что это необратимо.

После актуализации запроса на демократические изменения в 1990-е гг. к началу 2000-х гг. запрос на демократические преобразования стал ослабевать [16, с. 14], и на фоне усиливающихся изоляционистских тенденций доля приверженцев западной модели социального развития с начала 2000-х годов остается неизменно низкой (на уровне 4 %). Это подтверждает стремление россиян следовать своим путем, ориентироваться на национальные ценности, где ни коллективный Запад, ни коллективный анти-Запад не являются референтной моделью общественного развития, на которую нужно ориентироваться.

По данным социологических наблюдений ИС ФНИСЦ РАН, на протяжении последнего десятилетия большинство опрошенных россиян полагали Россию уникальной цивилизацией, где западный образ жизни никогда не укоренится. В периоды особенно острой

конфронтации с западными странами, в 2014 г. и 2023 г., так думали три четверти респондентов. В более «спокойные» 2019 г. и 2021 г. популярность идеи «цивилизационной особенности» страны несколько снижалась, но всё равно не опускалась ниже показателя в 65 %. Одновременно укрепился долговременный запрос 2000-х гг. на централизацию власти [15]. В последний год особенно усилилась популярность точки зрения, что для процветания России её обществу необходим сильный лидер (на 9 процентных пунктов, с 24 % в 2023 г. до 33 % в 2024 г.). И это — параллельно росту с 2023 г., на 5 процентных пунктов (с 22 % до 27 %) доли тех уверенных, что в России нельзя жить без веры в Бога. Популярность в общественном мнении подобной идеологии может быть свидетельством не столько растущей религиозности граждан, сколько проявлением своего рода фатализма, смирения с высшей предопределённостью судьбы страны и её граждан.

Кризисная «собранность» российского общества находит свое отражение в растущей популярности идеи свободы предпринимательства в течение последнего года. В настоящее время каждый третий россиянин (31 %) поддерживает мнение, что Россия сможет стать развитой страной только при создании всех необходимых условий для трудящихся, желающих зарабатывать. В 2024 г. доля сторонников этой точки зрения вернулась на уровень начала 2000-х гг., когда успешное развитие страны связывалось с обеспечением условий для активно работающих (35 %).

Однако готовность россиян объединиться вокруг своего национально-авторитарного управления: на протяжении последних 24 лет пятая часть опрошенных (примерно 20 % в 2000 г. и 19 % в 2024 г.) демонстрировали недовольство избыточной концентрацией власти в одних руках. Многолетние социологические наблюдения ФНИСЦ РАН вообще свидетельствуют о нарастающем дистанцировании граждан от государства: в 2023 г. впервые за исто-

рию мониторинга доля граждан, которые, по их собственным признаниям, не смогут прожить без государственной поддержки (вплоть до 2023 г. таких было 51–66 %), оказалась меньше, чем процент «самодостаточных граждан», уверенных, что они смогут сами обеспечить себя и свою семью (52 %). [18, с. 186].

Нарастающая кризисная консолидация общества на фоне внешних угроз и акцент на суверенизации происходит одновременно с формированием общественного запроса на реформы внутри страны. Но политические преобразования, по мнению большинства опрошенных, должны происходить только мирным путём: в 2024 г. своего максимума за всё время наблюдений с 2000 г. достигла доля россиян, уверенных в недопустимости революционных изменений в обществе (28 %). И за год страх граждан перед революцией вырос на 10 п. п. (с 18 % до 28 %).

Социологические данные свидетельствуют о формировании в обществе запроса на социально ответственное государство, что отражается, во-первых, в постепенном сокращении доли тех, кто полагает, что руководство СССР несмотря на некоторые успехи, привело страну к стагнации (с 14 % до 9 % за последние 25 лет). Многим, вероятно, советское государство кажется воплощением социальной поддержки граждан, и несостоятельность страны воспринимается с сожалением. Во-вторых, тот же запрос на поддержку со стороны государства проявляется в увеличении интереса к социализму как к альтернативе капитализму (с 18 % в 2017 году до 27 % в 2024 году) (табл. 4).

В поисках ценностных оснований гражданской идентичности

Рост значимости вектора суверенизации на фоне наследия и последствий советской тематизации национального вопроса диктует российскому обществу задачу поиска не только образа нации и артикуляции оснований гражданской идентичности, но и корректного

Таблица 4

**Динамика представлений россиян о том, какие главные уроки
должна извлечь Россия из исторического опыта прошедшего столетия,
2000–2024, %**

	2000 г.	2017 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Россия должна жить своим умом и идти своим путем	39	35	41	40	52
Россия может процветать только тогда, когда во главе ее — сильная личность	29	22	22	24	33
Запад — извечный враг России	13	15	22	18	32
Россия может стать развитой страной только тогда, когда будут созданы все условия для тех, кто хочет работать и зарабатывать	35	23	24	24	31
Реформы в обществе надо начинать с экономики, а не с политической системы	40	28	26	25	29
Нельзя менять жизнь методом революций	19	22	22	18	28
Социализм подходит России гораздо больше, чем капитализм	21	18	18	24	27
Нельзя жить без веры в Бога	26	21	18	27	22
В России нельзя допускать чрезмерной концентрации власти в одних руках	20	15	18	20	19
Советская власть, несмотря на отдельные достижения, завела страну в тупик	14	11	8	7	9
Западная модель развития наиболее эффективна, надо твердо ей следовать	4	6	5	4	4
В России никогда ничего хорошего не получится	5	3	3	3	4
Другие уроки	1	6	0	0	0

формата межкультурного взаимодействия. Тем более, что межнациональные отношения, опыт взаимодействия различных культур играет ключевую роль в восприятии россиянами истории страны. Сегодня, как и четверть века назад, большинство россиян (49 %) поддерживают модель культурного многообразия, полагая, что Россия есть дом многих народов, оказывающих друг на друга влияние, так что никто из них не должен иметь никаких преимуществ. Ценности многообразия, межкультурной коммуникации — базовые составляющие гражданской идентичности современных россиян.

Интернациональная идея на протяжении многих лет преобладает в российском обществе, её поддержка колеблется в промежутке от 46 % до 53 % с середины 1990-х годов. Однако с 1995 года доля сторонников многонациональной России сократилась с 74 % до 49 % в 2024 году. Особенно резко популярность этой идеи снизилась в середине 2000-х годов (до 44—48 %), когда межнациональные отношения стали важной электоральной темой пе-

ред парламентскими и президентскими выборами. Но в 2014 году идея России как многонационального государства снова набрала популярность до 50 % и в последние десять лет данный показатель продолжает оставаться неизменным на уровне 46—50 %.

Вместе с тем, в российском общественном мнении инерционно сохраняются мотивы советской национальной политики, пусть номинально, но отводящей русским позиции «старшего брата». И сегодня 30 % опрошенных считают, что русские как национальное большинство в России должны обладать большими правами. Идея о том, что Россия должна быть государством русских людей, пользуется популярностью среди сравнительно небольшого числа граждан (13 %). Причем, популярность националистического лозунга «Россия в первую очередь для русских» продолжает оставаться откровенно низкой на протяжении последних двадцати лет [14, с. 36; 15].

Чаще других идее национального, русского государства, симпатизируют зрелые россияне в возрасте 51–60 лет.

А стратегии предоставления особенных прав и привилегий представителям русским — 41–50-летние (34 %) (рис. 1).

Идею многонационального государства чаще других поддерживают россияне, хорошо знающие отечественную историю (54 %). Понимание сложного национального прошлого делает россиян чуткими к ценностям культурного многообразия и сложноустроенного общества.

А вот плохие знания по истории страны чаще связаны с поддержкой идеи создания национального государства (лозунг «Россия должна быть государством русских людей» поддерживает каждый пятый информант (19 %), оценивший уровень своих познаний отечественной истории как плохой). Среди тех, кто историю знает посредственно, выше доля сторонников особых прав русского большинства (32 %) (см. табл. 5).

Таким образом, историческая компетентность выступает важным фактором формирования гражданской идентичности граждан, а глубокое понимание национального прошлого способствует поддержке сложного общественного устройства. Недостаток исторических знаний оборачивается упрощенным пониманием целей общественного развития и ценности межкультурной коммуникации.

Другой вопрос, что, говоря о русских и русской идентичности, не все атрибуты которой ясны для рядовых граждан [16] и даже для специалистов [11], респонденты подразумевают множество смыслов, связанных не только с происхождением тех, кого они полагают русскими, но и с их культурой, традициями, языком и образом жизни. Сегодня большинство считают русским того, кто вырос в России и воспитывался в традициях

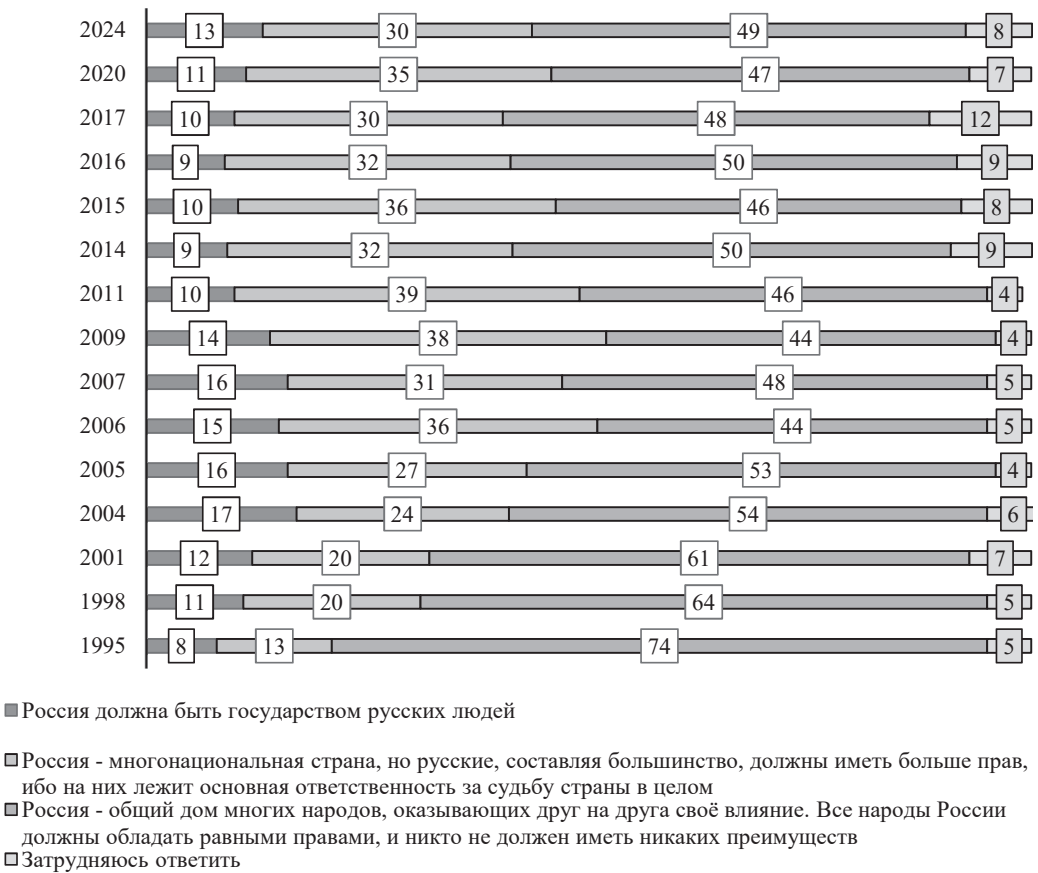

Рис. 1. Динамика представлений о должном формате межнациональных отношений в России, 1995—2024, %

Таблица 5

Представления о характере межнационального устройства страны среди россиян различного уровня исторической компетентности, 2024, %

	Имеют хорошее историческое знание	Имеют общее представление об исторических событиях	Имеют плохие исторические знания
Россия должна быть государством русских людей	8	12	19
Россия — многонациональная страна, но русские, составляя большинство, должны иметь больше прав, ибо на них лежит основная ответственность за судьбу страны	30	32	29
Россия — общий дом многих народов. Все народы России должны обладать равными правами, и никто не должен иметь никаких преимуществ	54	50	44
Затруднились ответить	8	6	8

русской культуры (53 %). Эта точка зрения на протяжении последних десяти лет сохраняет свою популярность на уровне 48–50 %.

Многие, конечно, понимают русскую идентичность в традиционном контексте — «через кровь», считая русским того, кто родился в русской семье (43 %). За последние 10 лет под влиянием тематизации «русского вопроса» и защиты прав русских на Украине популярность этой позиции выросла на 8 п. п., с 35 % в 2014 г.

Еще треть полагают русским того, кто любит Россию (34 %), сам себя считает русским (34 %) и для кого русский язык является родным (33 %). Популярность идеи о том, что русский это тот, кто любит Россию и сам себя считает русским в течение последних десяти лет последовательно росла: на 11 п. п. (с 23 %) и на 12 п. п. (с 22 %). А вот популярность идеи уравнивать русских и русскоязычных после периода устойчивого роста с 29 % в 2014 г. до 39 % в 2020 г. затем в 2024 г. сократилась на 6 п. п.

Ещё четверть опрошенных считают русскими всех, кто трудится на благо России (24 %), и с 2014 г. популярность этой точки зрения сократилась на 3 п. п. А доля тех, кто считает ключевым атрибутом русской идентичности православную веру, напротив, возросла на 4 п. п. (с 10 % в 2014 г. до 14 % в 2024 г.). Самой же непопулярной на протяжении последних десяти лет является точка зрения о том, что русские — это все граждане России (8 %) (рис. 2).

Идею синонимичности русского и российского чаще других поддерживают самые молодые россияне 18–39 лет (13 %), реже — самые пожилые (5 %). Респонденты старше 61 года чаще называют среди атрибутов русской идентичности кровное родство (47 %). И это неудивительно: если старшее поколение россиян ещё помнит установки советской национальной политики о «кровной» природе национальностей, то молодёжь выросла в контексте упоминания России как колыбели русской культуры и русской истории, то есть медийного уравнивания русского и российского (табл. 6).

Среди российской молодёжи менее популярна, чем среди представителей других возрастов, точка зрения, что русские — это все, кто любит Россию (29 %), честно трудится во благо России (19 %), а также исповедует православие (11 %). Очевидно, что на установки молодёжи особенное влияние оказывает контент цифровых медиа, где не только тиражируются идеи пластичности культуры и важности самоопределения, но актуальная дискуссия о происходящих событиях в Украине предоставляет возможность задуматься о том, что сегодня значит быть русским.

Показательно, что в сравнении с теми, кто социальными медиа не пользуется, среди активных пользователей интернета и социальных сетей заметно популярнее идея считать русскими тех, кто сам себя считает русским, то есть по самоопределению (34–35 %). А россия-

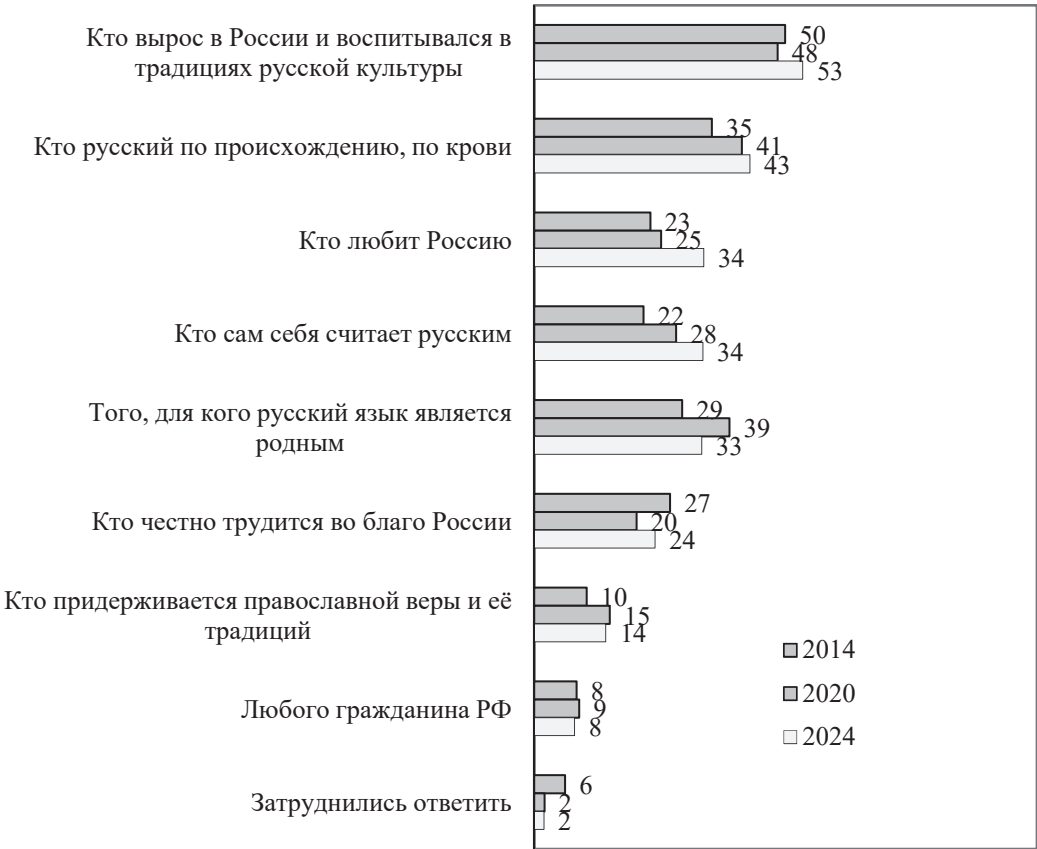

Рис. 2. Динамика представлений россиян о сути русской идентичности, 2014—2024, %

Таблица 6

**Представление о сути русской идентичности
среди россиян различных возрастов, 2024, %**

	Все опрошенные	18—30 лет	31—40 лет	41—50 лет	51—60 лет	Старше 61 года
Кто вырос в России и воспитывался в традициях русской культуры	53	51	54	51	53	57
Кто русский по происхождению, по крови	43	42	38	44	42	47
Кто любит Россию	34	29	37	34	31	36
Кто сам себя считает русским	34	34	35	33	34	32
Того, для кого русский язык является родным	33	33	26	33	42	35
Кто честно трудится во благо России	24	19	25	23	26	26
Кто придерживается православной веры и её традиций	14	11	17	12	15	17
Любого гражданина РФ	8	13	6	9	8	5
Затруднились ответить	2	2	4	2	1	1

не, не включенные в социальные медиа, настроены более консервативно и традиционалистски: среди них выше доля тех, кто определяет русскую идентичность по крови (50 % и 47 % против аналогического показателя 42 % среди аудитории социальных медиа) или через сопричастность православию (23 % и 19 % против 13 % среди тех, кто регулярно пользуется интернетом и соцсетями) (табл. 7).

Восприятие сути русской идентичности связано с уровнем исторической компетенции респондентов: чем шире познания респондентов по истории страны, тем обширнее и богаче их понимание того, кто является носителем русской идентичности, тем выше для них значимость сознательного культурного самоопределения и ценность индивидуального выбора. Респонденты, хорошо знающие историю, чаще других причисляют к русским тех, кто вырос в окружении русской культуры (56 %), сам себя считает русским (35 %), честно трудится во благо России (34 %) и тех, для кого русский язык является родным (34 %).

Ограниченное же понимание истории уменьшает значение культурного самосознания, сужая взгляд на русскую

идентичность до происхождения (45 %) и вероисповедания (17 %) (табл. 8).

Таким образом, в современном российском обществе историческая память не только играет ключевую роль в формировании национальной идентичности, но и выступает как основание национальных ценностей, моральных ориентиров, особенно важных в условиях постоянных изменений и вызовов. Исторические факты и символы выступают консолидирующими общество ценностями, поддерживают его национальное единство.

События национального прошлого воспринимаются как взаимосвязанные, и, разделяя детерминистский подход к историческому знанию, россияне стремятся «проработать» ошибки истории и одновременно «закрепить» национальные исторические успехи. Ретроспективно оценивая национальную историю, граждане всё чаще признаются в симпатиях к национальному суверенитету, такая кризисная «собранность» российского общества проявляется в возросшей популярности идеи свободного предпринимательства, когда развитие страны возможно только при создании условий для тех, кто желает работать и зарабатывать.

Таблица 7

Представление о сути русской идентичности среди россиян, пользующихся и не пользующихся цифровыми медиа, 2024, %

	Все опрошенные	Пользуются Интернетом	Не пользуются интернетом	Пользуются социальными сетями	Не пользуются социальными сетями
Того, для кого русский язык является родным	33	33	39	33	34
Кто вырос в России и воспитывался в традициях русской культуры	53	53	53	53	56
Кто честно трудится во благо России	24	24	26	24	26
Кто русский по происхождению, по крови	43	42	50	42	47
Кто придерживается православной веры и её традиций	14	13	23	13	19
Кто сам себя считает русским	34	34	26	35	28
Кто любит Россию	34	34	32	35	29
Любого гражданина РФ	8	8	6	8	7
Затруднились ответить	2	2	1	2	1

Таблица 8

Представление о сути русской идентичности среди россиян
различного уровня исторической компетентности, 2024, %

	Имеют хоро- шее историче- ское знание	Имеют общее представление об исторических событиях	Имеют плохие исторические знания
Кто вырос в России и воспитывался в тради- циях русской культуры	56	56	46
Кто русский по происхождению, по крови	41	44	45
Кто любит Россию	32	37	28
Кто сам себя считает русским	35	34	33
Того, для кого русский язык является родным	34	34	28
Кто честно трудится во благо России	31	22	21
Кто придерживается православной веры и её традиций	14	13	17
Любого гражданина РФ	10	7	7
Другое	0	0	0
Затруднились ответить	2	1	2

А готовность россиян к объединению вокруг национального лидера предпо- лагает не поддержку авторитарного стиля управления, но усиление сувере- низации и формирование запроса на внутривластные изменения: после- довательные преобразования полити- ческой системы и усиление социальной ответственности государства.

Укрепление вектора суверениза- ции обуславливает поиск гражданами образа нации, формата межкультурно- го взаимодействия. Наследие советской национальной политики влияет на вос- приятие истории страны, а суверениза- ция и укрепление национального век- тора становятся одним из приоритетов, при этом большинство россиян считает Россию домом многих народов.

1. Антоновский, А. Ю. Никлас Луман: эписте- мологическое введение в теорию социальных систем / А. Ю. Антоновский. — М.: Институт фи- лософии РАН, 2007. — 135 с.
2. Антоновский, А. Ю. Понимание и взаимо- понимание в научной коммуникации / А. Ю. Ан- тоновский // Вопросы философии. — 2015. — № 2. — С. 45-57. — EDN TJUOGV.
3. Антоновский, А. Ю. Социальные системы Никласа Лумана (послесловие) / А. Ю. Антонов- ский // Власть / Н. Луман; пер. с немецкого и по- словие А. Ю. Антоновского, общая редакция М. Л. Хорькова. — М.: Праксис, 2001. — С. 223-250. — EDN UAZBKN.
4. Антоновский, А. Ю. Эпистемологические основания и источники социологического кон-

структивизма / А. Ю. Антоновский // Общество как социальная система. Т. 1. — М.: Логос, 2004. — С. 208-232. — EDN PXDCBK.
5. Ассман, А. Длинная тень прошлого: мемо- риальная культура и историческая политика / А. Ассман. — М.: Новое литературное обозрение. 2014. — 328 с.
6. Ассман, А. Новое недовольство мемориаль- ной культурой / А. Ассман. М.: Новое литерату- рное обозрение, 2016. — 232 с.
7. Ассман, Я. Культурная память: письмо, па- мять о прошлом и полит. идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман. — М.: Яз. слав. культуры, 2004. — 363 с.
8. Бараш, Р. Э. О некоторых причинах «совет- ской» ностальгии и особенностях исторической памяти россиян о советском периоде / Р. Э. Бараш // Социологическая наука и социальная практи- ка. — 2017. — Т. 5, № 4(20). — С. 124-151. — DOI 10.19181/snsp.2017.5.4.5523. — EDN YMAERG.
9. Бараш, Р. Э. Семейная история и семейная память в России 2020-х годов / Р. Э. Бараш // Поли- тия: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политиче- ской философии и социологии политики). — 2023. — № 4 (111). — С. 141-162. — DOI 10.30570/2078- 5089-2023-111-4-141-162. — EDN JCCNEZ.
10. Историческое сознание россиян: оценки прошлого, память, символы: опыт социологи- ческого измерения / М. К. Горшков, А. Л. Андреев, Р. Э. Бараш [и др.]. — М.: Весь Мир, 2022. — 248 с.
11. Клеман, К. Патриотизм снизу. «Как такое возможно, чтобы люди жили так бедно в богатой стране?» / К. В. Клеман, — М.: Новое литературное обозрение, 2021. — 232 с.
12. Лоуэнцаль, Д. Прошлое — чужая страна / Д. Лоуэнцаль; перевод с английского А. В. Гово- рунова. — СПб.: Владимир Даль, 2004. — 624 с.
13. Луман, Н. Медиакоммуникации: Перевод с немецкого языка / Н. Луман. — М.: Логос, 2005. — 280 с. — (Socium; 2).
14. Петухов, В. В. Идеино-политические пред- почтения россиян: смена дискурса / В. В. Петухов // Социологическая наука и социальная практи- ка. — 2020. — Т. 8, № 4 (32). — С. 25-43. — DOI

10.19181/snsp.2020.8.4.7654. — EDN IPANPL.

15. Петухов, В. В. Кризисная реальность и возможность политической трансформации российского общества / В. В. Петухов // Полис. Политические исследования. — 2016. — № 5. — С. 8-24. — DOI 10.17976/jpps/2016.05.02. — EDN UGNFGA.

16. Петухов, В. В. Русские и «Русский мир»: исторический контекст и современное прочтение / В. В. Петухов, Р. Э. Бараш // Полис. Политические исследования. — 2014. — № 6. — С. 83-101. — EDN SYBGWX.

17. Гражданский активизм в России: мотивация, ценности и формы участия / В. В. Петухов, Р. Э. Бараш, Н. Н. Седова, Р. В. Петухов // Власть. — 2014. — № 9. — С. 11-19. — EDN STTUFD.

18. Российское общество и вызовы времени / М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова, А. Л. Андреев [и др.]. — М. : Весь Мир, 2024. — 352 с. — ISBN 978-5-7777-0927-1. — EDN OYVDFP.

19. Сонтаг, С. Смотрим на чужие страдания / С. Сонтаг. — М. : Ад Маргинем Пресс. 2014. — 128 с.

20. Хирш, М. Поколение постпамяти. Письмо и визуальная культура после Холокоста / М. Хирш, М.: Новое издательство. 2021. — 428 с.

References

1. Antonovskiy, A.Yu. (2007) Epistemological Introduction to the Theory of Social Systems. Moscow, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, 135 p. [in Rus].

2. Antonovskiy, A.Yu. (2015) Understanding and consensus in scientific communication. *Voprosy filosofii*, no. 2, pp. 45-57 [in Rus].

3. Antonovskiy, A.Yu. (2001) Social Systems of Niklas Luhmann (Afterword). *Niklas Luman. Power*, Moscow, Praxis, pp. 223-250 [in Rus].

4. Antonovskiy, A.Yu. (2004) Epistemological foundations and sources of sociological constructivism. *Society as a social system*. Tom 1. Moscow, Publishing group "Logos", pp. 208-232 [in Rus].

5. Assman, A. (2014) The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics. Moscow, New Literary Review, 328 p. [in Rus].

6. Assman, A. (2016) New Discontent with Memorial Culture. Moscow, New Literary Review, 232 p. [in Rus].

7. Assman, Ya. (2004) Cultural Memory: Writing, Memory of the Past, and Political Identity in the High Cultures of Antiquity. Moscow, Languages of Slavic culture, 363 p. [in Rus].

8. Barash, R.E. (2017) Some of the reasons for "soviet" nostalgia and historical memory of russians about the soviet period. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*, vol. 5, no. 4(20), pp. 124-151. <https://doi.org/10.19181/snsp.2017.5.4.5523> [in Rus].

9. Barash, R.E. (2023) Family history and family memory in Russia of the 2020s. *Politeia*, no. 4 (111), pp. 141-162. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2023-111-4-141-162> [in Rus].

10. Historical consciousness of Russians: assessments of the past, memory, symbols: an experience of sociological measurement (2022). Moscow, Publ. "Ves Mir", 248 p. [in Rus].

11. Kleman, K. (2021) Patriotism from Below.

"How is it possible for people to live so poorly in a rich country?". Moscow, New Literary Review, 232 p. [in Rus].

12. Louental, D. (2004) The Past is a Foreign Country. Saint Petersburg, Vladimir Dal, 624 p. [in Rus].

13. Luman, N. (2005) Media Communications. Moscow, Publishing group "Logos", 280 p. [in Rus].

14. Petukhov, V.V. (2020) Ideological and political preferences of the russians: changing of the discourse. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*, vol. 8, no. 4, pp. 25-43. <https://doi.org/10.19181/snsp.2020.8.4.7654> [in Rus].

15. Petukhov, V.V. (2016) The crisis reality and prospects of political transformation of the russian society. *Political studies*, no. 5, pp. 8-24. <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.05.02> [in Rus].

16. Petukhov, V.V., Barash R.E. (2014) The Russians and the "Russian World": the historical context and the contemporary interpretation. *Political studies*, no. 6, pp. 83-101. <https://doi.org/10.17976/jpps/2014.06.07> [in Rus].

17. Petukhov, V.V., Barash R.E., Sedova N. N., Petukhov R. V. (2014) Civil Activism in Russia: Motivation, Values, and Forms of Participation. *Power*, no. 9, pp. 11-19 [in Rus].

18. Russian society and the challenges of the time. Book seven (2024) FNSC RAS, Institute of Sociology. Moscow, The whole world, pp. 173-220 [in Rus].

19. Sontag, S. (2014) Looking at Other People's Suffering. Moscow, Ad Marginem Press. 128 p. [in Rus].

20. Khirsh, M. (2021) The Postmemory Generation. Writing and Visual Culture after the Holocaust, Moscow, New publishing house. 428 p. [in Rus].

For citing: Barash, R. E. (2024)
Historical memory as a value basis
of civil identity of the Russian society
in the 2020s. *Sotsium i vlast/Society and Power*,
no. 4 (102), pp. 116–132.
<https://doi.org/10.22394/1996-0522-2024-4-116-132>.

UDC 316.454.7

EDN EYLXLW

DOI 10.22394/1996-0522-2024-4-116-132

HISTORICAL MEMORY AS A VALUE BASIS OF CIVIL IDENTITY OF THE RUSSIAN SOCIETY IN THE 2020s

Raisa E. Barash,

Institute of Sociology of the Federal
Research Sociological Centre
of the Russian Academy of Sciences,
Cand. Sc. (Political Sciences), Leading Researcher.
Moscow, Russia.
ORCID: 0000-0002-5899-973X
E-mail: raisabarash@gmail.com

Abstract

Turning to the study of the specifics of the historical memory of the Russian society as a basis for civil identity, the author aims to investigate the role of the national chronotope, images of the national past as a basic social value of the society and an instrument of social cohesion. Using the methods of quantitative sociological research, the author investigates the functions of historical memory, which is a basic intergenerational value of society, as a mechanism for forming the collective identity of modern Russian society.

The scientific novelty of the work is due to the author's innovative attention to the role of historical memory as a basic value of Russian society in the current conditions of foreign policy isolation, when the national past influences the choice of the vector of social development, is perceived as a resource that allows society to "learn lessons" from the past and build the future on the basis of national values. The main result of the study is the observation that the actual value sovereignty of Russian society on the basis of historical memory contributes to the search for the optimal format of intercultural interaction in a multicultural society.

On the basis of the conducted research activities, the author concludes that in modern Russian society historical memory acts as a basic national value, moral reference point, plays a key role in the formation of national identity, acquiring special importance today in dramatic conditions for society and the country.

Keywords:
historical memory,
tradition,
identity,
family memory

Received: 10.09.2024

Accepted: 29.11.2024

Date of publication: 30.12.2024

Copyright: © Barash R. E. (2024).

Published by Chelyabinsk branch of RANEPa.

Open access under CC BY-NC License 4.0.